

ЛИТЕРАТУРА

*Всероссийская
олимпиада школьников*

11 класс

II (муниципальный) этап

2025

Уважаемые участники олимпиады! Вам предстоит выполнить предлагаемые задания. Время их выполнения – 6 академических часов (270 минут). Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задание и критерии оценивания;
- обдумайте и четко сформулируйте стоящую перед вами задачу;
- не забывайте, что единственно верного пути выполнения как первого, так и второго задания нет – вам необходимо только проследить за тем, чтобы ваша работа соответствовала заданию и критериям, опиралась на анализ художественного текста, знание литературного материала и терминологии, а ваша точка зрения была убедительной и аргументированной;
- после выполнения всех предложенных заданий обязательно проверьте себя.

Максимальная суммарная оценка – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1 (аналитическое). Целостный анализ поэтического или прозаического текста – по выбору участника олимпиады. (Установочные вопросы не требуют обязательного ответа. Выбор путей рассмотрения текста осуществляется участником олимпиады самостоятельно.)

Установочные вопросы

Поэтический текст: 1) Как бы вы определили тему этого стихотворения? 2) Какой представлена в нем природа? 3) Как соотносятся в произведении образы лирического героя и кузнечика? 4) Какие смыслы привносятся в данный текст упоминаниями о «небесной трубе», «воители Егории», «сорокоусте»? 5) В один ряд с произведениями каких поэтов вы могли бы поставить стихотворение «Кузнечик»?

Прозаический текст. 1) Какую смысловую роль играет в рассказе образ озера? 2) По свидетельству повествователя, Кандыбин на лучшего не похож. Есть ли какие-то основания для наделения его этим прозвищем? 3) Какова цель автора, рассказывающего положенную в основу произведения историю? Что он хочет донести до читателя? 4) Какие средства используются автором для оценки изображаемых персонажей? 5) Какие нравственные и психологические явления нашли отражение в рассказе С. Никитина?

Николай Александров
КУЗНЕЧИК

Кузнечик, мой брат по зеленой судьбе,
Затерянный в джунглях травы при дороге –
Он точит пространство, забыв о себе,
И пишет свои травяные эклоги,
Послушный незримой небесной трубе.

Над ним полыхает свечой иван-чай,
Лазерной памятью бредит цикорий,
Горошка душистого вьется камча
И чертополох, как воитель Егорий,
Колючее древко заносит сплеча.

Мир странно распахнут и вовсе не пуст,
Наполненный гомоном, шелестом, звоном,
Как будто заутренний сорокоуст
Творится над теплым суглинистым лоном,
И сладок земле хлорофилловый груз.

Ну что, брат кузнечик? Пиликай, точи
Пространство, в котором – мелисса, и мята,
И мятлик – лишь нотного стана ключи
От кромки рассвета до кромки заката...
Звучи, мой хороший. Играй. Не молчи.

Пусть короток век и непрочен смычок –
Не будем об этом, пока еще длится
Июль, и горит светляка маячок –
Там, где обрывается лета граница...
А дальше – не надо, не надо... Молчок.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Эклога* – жанр поэзии 15 – 18 вв., стихотворное изображение бытовых сельских сценок на лоне природы в форме повествования или диалога между крестьянами. *Камча* – старинная шелковая ткань с узорами. *Сорокоуст* – поминовение за здоровье или за упокой в течение 40 дней подряд в храме за литургией, главным церковным богослужением.

Сергей Никитин
МОЙ ЗНАКОМЫЙ ЛЕШИЙ

Есть в лесах моей родины озерцо Светленькое. Оправдывая свое название, оно еще издали сверкает, как россыпь битого зеркала, но стоит заглянуть с берега в его глубину, как оно приобретает прозрачно-малахитовый оттенок, сгущающийся к центру до цвета темно-зеленого, почти черного бархата. Когда оно впервые увиделось мне среди темных елей и сосен, как чистая капля росы на зеленом листе, я подошел по сухому, усыпанному хвоей берегу к самой воде, нагнулся, чтобы зачерпнуть ее кружкой, и ахнул. Взгляд свободно проникал в глубину, где расстился мохнатый ковер водорослей и, чуть пошевеливая красноперыми хвостами, плавали мелкие окуни.

На берегу этого озера живет лесник Кандыбин, по прозвищу Леший. Откуда пошло такое прозвище, Кандыбин и сам не знает. Во всяком случае, на лешего, который, как известно, остроголов, мохнат и нем, он не похож. Мужичок как мужичок: сухой, маленький, с белесыми глазами, реденькой щетинкой, одевается в затасканную солдатскую одежду, любит порассказать, как воевал в Польше, Австрии, Маньчжурии, и может вернуть при этом несколько слов не только по-немецки, но и по-китайски. Да и разве докопешься до первородного смысла этих деревенских прозвищ – Мотыль, Большак, Рында, Треухий, Жбанок, если пристали они к людям большей частью случайно, из за одного их слова, поступка или совсем маловажной черты характера?

В семье Кандыбин сам восьмой. В детях он считает себя неудачником, потому что жена его Ульяна упорно рождает только дочерей, а единственный мальчик Митя вырос слабоумным. Его присутствие на кордоне почти не заметно. Он любит смотреть, как играют младшие сестры, но сам никогда не играет с ними и, если начинается шумная возня, наблюдает со стороны, восторженно хлопает в ладоши, кричит, смеется, прыгает, и глаза его вспыхивают радостью. Он был бы очень красив – золотоволосый, с огромными серыми глазами, если бы не блуждающая улыбка идиота, открывающая кусочки гнилых зубов. Как веселая, ласковая собачка, он всюду ходит за старшей сестрой Аней и, стоит сказать, что жених скоро возьмет Аню, начинает плакать и картаво выкрикивать:

– Камнем зениха! Камнем зениха!

Этим пользуются, чтобы поддразнить Митю, младшие сестры. Заслышав гул дровяной машины, они кричат, что едет жених, и Митя с воплем мчится к дороге, останавливается как вкопанный

у обочины и встречает машину вопросительно-пугливым взглядом.

Но не только с целью поддразнить Митю говорится на кордоне о женихе. С ним Кандыбин и Ульяна связывают свои надежды на благоденствие, которое должно наступить для семьи, когда все дочери вырастут и выйдут замуж.

– Скоро ли вас зятя разберут, лешащих оканяных! – кричит на них Кандыбин.

И все-таки, как ни трудно ему пестовать свою ораву, все дети сыты, одеты, обуты и учатся, кому пришел срок, в ближайшем селе, живя там на постое с осени до весны.

Летом вся семья, точно пчелиный рой, пребывает в какой-то жизнерадостной трудовой суете. Дочери собирают ягоду, грибы. Ульяна ходит за скотиной. Кандыбин объезжает лес, ловит в озере рыбу, косит траву. Но мшистые леса почти не дают сена, на тощем песчанике вокруг кордона родится только картошка, а я слышал однажды, как Кандыбин говорил Ульяне:

– Ничего, мать, перезимуем. А станет туго, свалю лося.

– Полно уж болтать-то зря, – сердито отозвалась Ульяна. – Вон человек посторонний слышит. Что про тебя подумает?

А Кандыбин подмигнул мне и сказал:

– В лесу не убудет.

За окном в это время играло озеро, пуская по потолку сторожки дрожащие блики, и от этого сторожка казалась прибранной к какому-то празднику. За обедом все сидели тихо, с добрыми улыбками, и слова лесника прозвучали тогда особенно неприятно.

– А что, Федя, – спросил я его, когда мы вышли после обеда на крыльцо, – убивал ты лося?

– Лося? – щурясь на озеро, переспросил он. – Нет, не приходилось.

– Ты не бойся, я ведь никому не скажу.

– А чего мне бояться? Уж коли пускаю я дровишки налево, так об этом все знают. Пожалуй, суди меня! – усмехнулся он. – Вот они. Мал мала меньше. Куда они денутся?

– Ну, дровишки пускаешь, а почему лося не трогаешь? – допытывался я.

– Дрова-то ведь дрова, – словно оправдывая передо мной свою слабость, смущенно засмеялся Кандыбин, – а лось – он лось.

В то лето на кордоне появился наконец первый жених. Он был из того самого села, где Аня кончила семилетку, – колхозный конюх, мужчина уже не молодой, но видный, с матерой проседью в смоляных волосах и не по-деревенски бледным, тонким лицом.

Сватовство он повел солидно и обстоятельно. Поговорил сначала с Кандыбиным, с Ульяной, потом, так же обстоятельно, изложил Ане свои условия: он хотя и вдовец, но лет ему только тридцать шесть, пьет восемь раз в году – по большим праздникам, живет с мамашей, имеет крепкое хозяйство, приличный заработок на трудодни и знает, кроме того, два ремесла: портняжное и скорняжное.

– Ну, доченька, что скажешь? – спросила Ульяна.

Разговор происходил поздно вечером, но в сторожке никто не спал. Ульяна стояла, прислонившись к печке и сложив под грудью большие мускулистые руки, сам Кандыбин, как бы безучастно, поклевывал со сковороды вилкой грибочки, а из-за ситцевой занавески, закрывающей огромную деревянную кровать, выглядывали любопытные мордочки младших сестер.

Я вышел. Озеро уже курилось туманом, и за его лохматой шевелящейся пеленой жили какие-то звуки: что-то тихо булькало, скрипело и пошвистывало. Слабо-слабо донесся паровозный гудок. Железная дорога была далеко, километрах в пятнадцати, а этот отголосок большого мира еще яснее давал почувствовать, какой кристальной тишины стояла над лесами ночь.

Что-то бесшумно шевелилось сбоку от меня, на крыльце сторожки. Сначала мне показалось, что это просто клочок лунного тумана, нанесенный с озера воздушной струей, но, приглядевшись, я узнал Митю. Никто не вспомнил о нем в этот вечер, и теперь мне представилось, как бродил он по лесу вокруг сторожки со своей единственной печалью и что-то картаво бормотал сквозь слезы.

В сторожке хлопнула дверь. Митя сейчас же скатился со ступеней и спрятался за углом, а на крыльцо, залитое лунным светом, вышли Аня и конюх.

– Луница-то, луница-то! – сказал он. – Светло мне будет ехать. Ну, что ты стоишь, как статуя?

Он поцеловал ее, прижав к косяку, а когда отпустил, она так и продолжала стоять навтыжку, с поднятым подбородком, точно солдат... Ах, любить бы ей в эту дивную ночь, томиться от избытка своей молодости, вдыхать расширенными ноздрями запах теплой хвои, блеснуть в полутьме глазами, да, видно, не задалось!

Конюх спустился с крыльца и стал отвязывать лошадь.

– А, дурак! – увидел он за углом Митю. – Сейчас я тебя лошадью затопчу.

Митя пригнулся к земле и, как зайчонок, с визгом бросился на крыльцо.

– Не трогайте его, – тихо сказала Аня. – Мы его любим.

Она пропустила Митю вперед и сама шагнула вслед за ним в темный провал сеней.

Утром я уехал.

Несколько предпраздничных дней ноября мне пришлось прожить в маленьком городке на Клязьме, куда Кандыбин часто приезжал за му-

кой и керосином. Зима в тот год была ранняя. Уже встала Клязьма: за окном ветер мотал железный фонарь на столбе, вся улица в его свете была охвачена какой-то оргией бесноватых теней, и я думал о том, какая, наверно, унылая, мгlistая равнина с плешинами серого, обдутого ветрами льда, со свинцовыми полыньями лежит сейчас перед окнами, лесной сторожки.

Оттого что приближались праздники, еще больше не хотелось оставаться здесь, в чужом городе, в этой холодной угарной комнате Дома колхозника, и я торопливо заканчивал дела, чтобы уехать к родным и близким людям.

Однажды я спустился в закусочную обедать, и у самого входа меня вдруг поразило что-то необыкновенно знакомое. Я еще раз оглядел ядовито-яркую вывеску «Холодные и горячие закуски, вина, водка», облебенелое крыльцо, запорошенных снегом лошадей у коновязи и вдруг узнал рослую мохнатую кобылку Кандыбина.

Самого лесника я нашел в закусочной. Не снимая полушубка, чуть хмельной и веселый, он доедал макароны, обильно политые маслом.

– Бери макароны, – посоветовал он мне. – Важнецкая еда.

Я стал расспрашивать об Ульяне, о детях, и, когда спросил про Аню, он вдруг смутился и потускнел.

– А она тут, в городе, – сказал он нехотя.

– Где же?

– В школе, учится на ткачиху.

– А конюх? – поинтересовался я.

– Конюх того... Кандыбин смутился еще больше и, потупясь, стал сковыривать вилкой застывшие на клеенке капли масла. – Не вышло с конюхом.

– Почему же?

– Да как тебе сказать? У нас и пропой был. А потом как-то поехали мы с Аней в город, заосенело уже, грачи стаями по стерне прыгают, паутинка летит. А она, Аня, значит, сидит в телеге и, вижу, плачет. Да пропади ты, думаю, пропадом. Черт с ним и с конюхом! Отвез ее в город, иди, говорю, на фабрику, определяйся, как можешь... Уж баба-то меня потом точила! Ну, чисто ржа! – Он помолчал и, опять пуская в ход вилку, прибавил: – Ты только не подумай, что он нами побрезговал. Мы сами не схотели.

И я понял причину его смущения. Ни деревенская родня, ни соседние лесники, должно быть, не верили, что он сам отказался от такого выгодного жениха.

«Лось – он лось», – вспомнились мне почему-то слова Кандыбина.

И, кажется, только тогда я окончательно поверил ему в том, что одно дело для него – дрова, швырок, а другое – живой лось.

После обеда он поехал к Ане в общежитие. Присев на край саней, я проводил его до фабричных корпусов. К нему уже вернулся прежний, немного бесшабашный вид, и, сбив на затылок шапку с торчащими в стороны ушами, он весело говорил мне:

– Приезжай летом, рыбу станем ловить. Летом у нас хорошо, комара не бывает. Сосна кругом, песок, мох. Этого он, гад, не любит...

Попрощавшись, я на ходу соскочил с саней. Кандыбин свернулся, махнул мне рукой, и через несколько шагов метель длинными седыми полосами затушевала его силуэт.

1960

Принципы оценки аналитического задания

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя **четырёх-балльной системе**: первая оценка – условная «двойка», вторая – условная «тройка», третья – условная «четверка», четвертая – условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

Пример использования шкалы. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчеркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четверка с минусом». В системе оценок по критерию «четверке» соответствует 20 баллов, «тройке» – 10 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале «в районе» 30 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок-«зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр-оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Критерии оценивания:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. **Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30**

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту. **Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15**

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. **Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10**

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. **Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10**

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок).

Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается.

Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трёх ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов. **Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5**

Итого: максимально – 70 баллов

Н.В. Направления для анализа и установочные вопросы, предложенные школьникам в задании, носят рекомендательный характер; их назначение лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста. Если ученик выбрал собственный путь анализа – он имел на это право, и оценивать надо работу в целом, а не наличие в ней исключительно размышлений по предложенным направлениям.

ЗАДАНИЕ 2 (творческое). Напишите эссе на тему *«Цель художества есть идеал, а не нравовучение» (А.С. Пушкин)*. Учтите при этом, что слово «художество» в данном случае является синонимом слова «искусство».

Примерный объем работы – 500-700 слов.

Критерии оценки творческого задания

1. Степень соответствия текста эссе предложенной теме (максимально 10 баллов).

2. Аргументация высказываемых суждений, обоснованность ссылок на художественные произведения (максимально 10 баллов).

3. Стиль работы, владение культурой речи (максимально 10 баллов).

Итого за все творческое задание максимально 30 баллов.

Итого за всю работу (за первое и второе задание) максимально 100 баллов.